

УДК 327.8

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СУБЪЕКТОВ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

Алаудинов Апты Аронович

- e-mail: a05101973@mail.ru
кандидат политических наук,
независимый исследователь
г. Москва, Российская Федерация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Алаудинов А. А. К вопросу о типологии субъектов гибридных войн // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 07.01.2024
- Статья размещена на сайте 04.04.2024

СТРУКТУРА

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Субъекты гибридных войн с преимущественно иерархической
формой организации](#)

[Субъекты гибридных войн с преимущественно сетевой формой
организации](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Разработать классификацию субъектов, принимающих участие в современных гибридных войнах.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ зарубежной и отечественной литературы, посвящённой современным конфликтам, гибридным войнам. Автором использованы общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение), методы наблюдения, традиционного анализа документов и кейс-стади.

Результаты. Сделан вывод, что субъекты гибридных войн особую опасность представляют в виде альянсов государственных и негосударственных акторов.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в научно-преподавательской деятельности в ходе рассмотрения концепции гибридной войны, в работе государственных органов, отвечающих за обеспечение национальной безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гибридные войны, государства, иерархические субъекты, негосударственные акторы, сетевые субъекты, субъекты гибридных войн

ВВЕДЕНИЕ

Для всех форм гибридных войн характерно разнообразие их субъектов. При этом в разных формах таких войн могут принимать участие одни и те же субъекты, будь то государственные или негосударственные. В качестве критерия классификации субъектов гибридных войн мы применили основную форму их организации – иерархическую или сетевую. Под иерархией мы понимаем способ организации системы, при котором части или элементы целого расположены в порядке от высшего к низшему [15]. Противоположный принцип организации является сетевым. Под сетью (точнее, под социальной сетью) мы понимаем форму спонтанного порядка, который возникает в результате действий децентрализованных агентов, а не создаётся какой-либо централизованной властью [13, с. 270]. Сами субъекты гибридных войн могут обладать признаками обоих принципов организации, поэтому строгая дифференциация

между ними отсутствует. Тем не менее у одних субъектов более выражена иерархическая организация, у других – сетевая.

Целью настоящего исследования является разработка классификации субъектов гибридных войн.

Для реализации этой цели автором проанализирована зарубежная и отечественная научная литература, посвящённая современным конфликтам и гибридным войнам, а также современная политическая практика. Автором использованы такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, а также методы наблюдения, традиционного анализа документов и кейс-стади.

СУБЪЕКТЫ ГИБРИДНЫХ ВОЙН С ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ИЕРАРХИЧЕСКОЙ ФОРМОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Основными субъектами гибридных войн с иерархической организацией выступают государства. Обладая соответствующими ресурсами, политической волей, ведомствами, необходимыми кадрами и технологиями, государства участвуют практически во всех гибридных войнах, происходящих в мире, вне зависимости от того, кто является противником государства в гибридной войне – внешний или внутренний субъект (актор). Даже если с государством вступают в вооружённое противостояние военно-политическое движение (инсургенты, партизаны), наркосиндикаты или террористические организации, они часто получают поддержку извне, от других государств, их военных ведомств и разведок, а также транснациональных сетевых структур (например, террористических организаций, неправительственных и некоммерческих организаций, хактивистов).

Наиболее активными участниками гибридных войн выступают государства, у которых имеются для этого политическая воля, ресурсные возможности, влияние на международной арене, технологии и соответствующая стратегическая культура. Этим характеристикам более всего удовлетворяют США, которые в течение почти всей своей истории участвовали в военных конфликтах разной степени интенсивности, также став ключевым субъектом современных гибридных войн. Именно США обладают огромным опытом развязывания и участия в гибридных войнах практически всех типов: от форм гибридных войн, где доминируют информационно-психологические

и кибероперации, до экстремальных форм гибридных войн, приближающихся по своим характеристикам к традиционным. Соединёнными Штатами охватывается практически весь диапазон методов и технологий, применяемых ими против государств-мишеней и негосударственных акторов в гибридных войнах. Географический охват такого рода конфликтов, развязанных Вашингтоном, подлинно глобальный: от стран Латинско-американского региона до Азии; от Восточной Европы до стран Африки. Практически нет ни одного региона мира, где американское руководство не применило бы свои навыки гибридных войн в ущерб интересам и национальной безопасности государств. Сюда можно отнести активацию «цветных революций» [1], осуществление широкомасштабных информационно-психологических операций [5] и наступательных действий в киберпространстве [9], использование прокси-террористов и наёмников [3], ренегатов и дезертиров [10], радикалов-экстремистов от вахабитов¹ до неонацистов [2]. Фактически США применяют все доступные им средства для достижения геополитических целей, невзирая на гуманитарные катастрофы, в которые ввергаются государства-мишени. США воздействуют системно на выбранных в качестве мишеней противников, во всех доменах, включая когнитивную сферу, киберпространство, экономику, воздействие на суше (например, через подконтрольные террористические организации), в воздухе (в частности, применяя ударно-разведывательные беспилотные летательные аппараты, БПЛА), море (разведка, диверсии) и космосе (разведка и связь). Вследствие этого американское руководство в течение десятилетий вырабатывало стратегии и практики комплексного и многоуровневого воздействия на государства-мишени в форме гибридных войн.

К другим государствам-участникам гибридных войн относятся Великобритания и Франция. Британские силы специальных операций и разведывательные службы имеют колоссальный (в сотни лет) опыт работы в различных регионах мира, особенно на территориях, бывших когда-то частью Британской империи. Особенно активно британцы участвуют в информационно-психологических операциях, что показала стратегическая

¹ Об использовании США террористической группировки ИГИЛ [террористическая организация, запрещённая в Российской Федерации] – прим. ред.] в Сирии // Служба внешней разведки Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2023/03/ob-ispolzovanii-ssha-terroristicheskoy-gruppirovki-igil-v-sirii.htm> (дата обращения: 02.11.2023).

информационная операция «Дело об отравлении Скрипалей» [4], в которой британские спецслужбы осуществляли дискредитацию российского руководства и всей России, последствия чего ощущаются до сих пор, т. к. к провокации с якобы отравлением С. В. Скрипаля и его дочери присоединяют различные псевдосенсационные истории.

Британцы участвовали в войне Ливии в виде «гуманитарной интервенции». Особенно в этом отличились сотни бойцов из Особой воздушной службы (The Special Air Service, SAS), Особой лодочной службы (The Special Boat Service, SBS) и Полка специальной разведки (The Special Reconnaissance Regiment, SRR) [12], игравшие ключевую роль в операции «Эллами» (Operation Ellamy²). Впрочем, как отмечают некоторые западные исследователи, интервенция продлила продолжительность войны примерно в шесть раз (на текущий момент), увеличила число погибших примерно в семь-десять раз и усугубила нарушения прав человека, гуманитарные страдания, исламский радикализм и распространение оружия в Ливии и среди её соседей. Если это «образцовая интервенция» [20], как утверждают высокопоставленные чиновники НАТО, это образец провала. Немаловажную роль британцы сыграли и в войне в Сирии, где они занимались подготовкой местных боевиков из числа оппозиции [7].

Другим активным участником гибридных войн выступает Франция, сохранившая часть своего бывшего влияния на территории стран, бывших её колониями, особенно в Африке и на Ближнем Востоке. Наравне с Великобританией Франция участвовала в свержении М. Каддафи в Ливии, равно как и сыграла роль в Сирийской войне против правительства Б. Асада. Франция также содействовала формированию и поддержке террористов, которых она интегрировала в вооружённую оппозицию. Роль, которую Франция стремилась играть в Сирии и на Ближнем Востоке в целом в течение нескольких лет, определялась тремя основными геополитическими факторами. Первый – амбиции Франции вновь стать влиятельным игроком на той территории, которую она считает одним из своих исторических колониальных задворков. Второй – неспособность Франции играть указанную роль в одиночку или через ЕС, т. к. ЕС не способен действовать как единый субъект наряду с Россией и США. Третий – неспособность администрации Б. Обамы проти-

² Кодовое название участия Великобритании в военной интервенции в Ливии.

востоять России и Ирану в Сирии, что привело к маргинализации в этом конфликте роли Парижа [17]. Тем не менее Франция старается вести активные действия в Африке [14], в т. ч. с использованием своих сил специальных операций.

Как отмечают некоторые исследователи, после волнений на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 2011 г. Франция стремится вернуться в военном отношении в Северную Африку, а вместе с этим пытается восстановить своё военное присутствие в регионе с целью связать свою внутреннюю военноморскую базу в Тулоне с военным присутствием в Северной Африке, Габоне, Кот-д'Ивуаре, Джибути и ОАЭ (эмират Абу-Даби), тем самым утвердив себя в качестве доминирующего игрока в «дуге нестабильности», простирающейся от Западной Африки до Персидского залива [16]. Для продвижения своих интересов Париж применяет широкий спектр средств и методов, характерных для гибридных войн: от информационных кампаний до активного использования сил специального назначения, инструкторской работы и подготовки боевиков террористических организаций, в чём Францию прямо обвинил премьер-министр переходного правительства Мали Шогель Кокалла Маига³.

Ещё одним примером государственного актора, участвующего в гибридных войнах, является Иран. Особенно масштабное участие Ирана в гибридном противоборстве с региональными (ближневосточными) и западными акторами стало после коллективной агрессии против Сирии в 2011 г. Тегеран отчасти вынужден был реагировать на попытку свержения дружественного правительства в Сирии, и основным инструментом противостояния со спонсируемыми странами Запада и королевствами Персидского залива боевиками стали проиранские шиитские прокси-формирования⁴, за счёт которых удалось выровнять положение в Сирии, а окончательно переломить ход войны удалось после того, как 30 сентября 2015 г. Россия оказала Сирии непосредственную военную помощь.

³ Премьер Мали обвинил Францию в подготовке террористов // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20211008/mali-1753690694.html> (дата обращения: 03.11.2023).

⁴ Известно, что Корпус Стражей Исламской революции Ирана еще в 2016 г. подготовил около 200 тыс. шиитских бойцов. См.: IRGC Commander: ISIL Causes Increasing Awareness in Regional States // Fars News Agency: [сайт]. URL: <https://en.farsnews.ir/newstext.aspx?nn=13941022001355> (дата обращения: 04.11.2023).

Стратегия противоборства со своими противниками руками шиитских организаций (в Сирии, Ираке, Йемене) принадлежит покойному главе спецподразделения «Кудс» Корпуса Стражей Исламской революции генералу К. Сулеймани (был убит вместе с ещё несколькими своими соратниками 3 января 2020 г. в Багдаде ударом американского БПЛА MQ-9 Reaper). Однако смерть К. Сулеймани не помешала Ирану использовать эту стратегию в дальнейшем. Обладая влиянием среди множества шиитских группировок в регионе (от Хезболлы в Ливане до Лива Фатимияун из Афганистана), Иран сумел добиться значительных успехов в применении методов гибридной войны.

Другие государства, такие как Китай, Израиль и Россия, также в состоянии применять средства и методы гибридной войны в собственных интересах, что позволяет добиваться тех или иных результатов в условиях, когда прямое военное участие не представляется возможным из-за высоких рисков или по репутационным соображениям.

СУБЪЕКТЫ ГИБРИДНЫХ ВОЙН С ПРЕИМУЩЕСТВЕННО СЕТЕВОЙ ФОРМОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В последние десятилетия возросла значимость негосударственных акторов, которые по своим возможностям зачастую приближаются, а в некоторых случаях превосходят государства. К таковым можно отнести международные террористические организации, транснациональные преступные организации (крупнейшие банды и наркокартели), военно-политические движения с признаками и криминальных, и террористических организаций (например, фрагменты колумбийских парамилитарес и FARC; бирманская Армия спасения рохинджа Аракана), НПО, НКО, организации хакеров, частные разведывательные компании (ЧРК), частные военные компании (ЧВК), а также некоторые транснациональные корпорации (ТНК). При этом технологический рывок последних лет позволил даже сильно уступающим в ресурсах государствам военно-политическим организациям добиться очень серьёзного прогресса в военных технологиях. Так, известно, что Израиль сумел перехватить ракеты средней дальности иранского производства, которые были запущены из Йемена, что подтвердил представитель правящего на Севере Йемена шиитского движения «Ансар Аллах»

Подобные организации способны бросать вызов национальным государствам и навязывать им свои требования.

Огромные возможности негосударственных насильственных акторов продемонстрировала запрещённая в России террористическая организация «Исламское государство», достигшая пика своего могущества в 2013–2017 гг., сумев взять под контроль порядка 90 тыс. км² территории Сирии и Ирака [11]. Данный случай является одним из самых ярких примеров того, как изначально сетевая террористическая организация модифицируется и приобретает некоторые черты государства, представляя угрозу существованию тем государствам, на территории которых данная организация возникла, а также соседним странам. При этом известно, что некоторые страны, такие как США, пытались использовать террористов из «Исламского государства» в своих целях, о чём прямо заявил министр иностранных дел России С. В. Лавров⁸. Это указывает на признаки гибридной войны – использование иррегулярных формирований, включая радикалов-экстремистов и террористов. После распада квазигосударственной формы фрагменты «Исламского государства» представляют собой сетевые структуры, действующие на обширной территории, от Западной Африки до Юго-Восточной Азии.

Ещё одними важными участниками гибридных войн с преимущественно сетевой формой организации выступают различные децентрализованные разведывательные структуры, участвующие в информационно-психологической войне⁹, а также ЧРК и аффилированные с ними НКО, с помощью которых осуществляется т. н. прокси-разведка. Как отмечает Р. В. Ромачев, «прокси-разведка – это оказание разведывательных услуг негосударственными разведывательными акторами в интересах государственного заказчика (как правило, государственного разведывательного актора или высшего руководства страны как напрямую, так и через агентов влияния). Прокси-разведка ведётся как коммерческими компаниями, так и некоммерче-

⁸ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе посещения 201-й российской военной базы, Душанбе, 5 июня 2023 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1874794 (дата обращения: 05.11.2023).

⁹ Ромачев Р. В. Децентрализованные разведывательные сетевые структуры в информационной войне. Опыт прошлого и настоящего // Истина: [сайт]. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/594096069> (дата обращения: 05.11.2023).

скими организациями (фондами, НКО)» [8]. Ромачев классифицирует коммерческие разведывательные акторы следующим образом:

- фабрики мысли (мозговые центры, «think tank»);
- собственно ЧПК (private intelligence company, среди которых выделяются: CACI International Inc., Kroll Inc., Smith Brandon International, Inc., Strategic Forecasting Inc.;
- квазигосударственные разведывательные группы (например, The Pond, The Gehlen Organization, Task Force 157);
- поставщики разведывательных решений (intelligence solution);
- мимикрирующие частные разведывательные компании (у данных организаций разведывательная деятельность – побочный вид заработка).

Деятельность подобных сетевых или смешанного типа негосударственных организаций играет в гибридных войнах одну из главных, а в отдельных их формах – решающую роль.

Всё большую роль играют в гибридных войнах т. н. хактивисты – разновидность хакеров, которые, в отличие от своих коллег, преследуют не меркантильные цели, а политические. Ярким примером хактивизма выступает движение «Анонимус» (Anonymous). Фактически это небольшие сетевые группы действия, состоящие из высокообразованных, компетентных и технически продвинутых людей с радикальными убеждениями. Среди хактивистов есть кибервоины, «которые объединяются в «киберармии», процветающие во многих странах, ... поддерживая национальные и экстремистские движения, они действуют по поручению государственных органов своих стран» [6, с. 194].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, с усложнением системы международных отношений и технологий возникает всё больше негосударственных акторов преимущественно сетевого типа, способных принимать участие в гибридных войнах самостоятельно или в увязке с ведомствами государств для достижения взаимовыгодных целей.

За последние десятилетия увеличилось разнообразие субъектов гибридных войн, что особенно заметно по негосударственным и квазигосударственным акторам, которые получи-

ли в некоторых случаях возможности государств, но деятельность которых не регулируется международными соглашениями. Особую опасность представляют международные террористические организации, транснациональные преступные организации, ЧВК и ЧРК. Однако наибольшую эффективность в гибридных войнах демонстрируют нетрадиционные альянсы государственных и негосударственных субъектов, объединяющихся для достижения взаимовыгодных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батюк В. И. Политика США на постсоветском пространстве после окончания «холодной войны» // *Международная жизнь*. 2011. № 8. С. 61–75.
2. Беляев Г. Ю. Неонацизм как модель социализации и воспитания: угроза государственной безопасности и глобальный вызов гуманистическим образовательным системам // *Пространство и время*. 2015. № 1-2. С. 43–52.
3. Зайцев А. Я., Манойло А. В. Роль частных военных компаний в использовании технологий «облачного противника» // *Вестник Российской академии наук*. 2021. Т. 91. № 2. С. 167–173.
4. Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 12.12.2023).
5. Манойло А. В., Стригунов К. С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. М.: Горячая линия-Телеком, 2020. 378 с.
6. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.
7. Ратушняк О. В., Кодрле И. А. Сирийский кризис и позиция Великобритании // *Общество: философия, история, культура*. 2019. № 5. С. 94–99.
8. Ромачев Р. В. Прокси-разведка и классификация разведывательных акторов на примере США // *Вопросы политологии*. 2022. Т. 12. № 12. С. 4392–4406.
9. Себекин С. А. Постоянная вовлечённость в киберпространстве: новая стратегия США и её соотношение с концепцией киберсдерживания // *Международные процессы*. 2020. Т. 18. № 3. С. 96–125.
10. Стригунов К. С., Манойло А. В. Стратегия «Шах и мат Мадуро» как исток операции «Геден» // *Международная жизнь*. 2021. № 3. С. 56–71.

11. Стригунов К. С., Манойло А. В., Петренко А. И. Наркокартели и криминальные сети. Рассвет тёмной глобализации. М.: Горячая линия-Телеком, 2022. 304 с.
12. Терентьев В. О. Интервенция в Ливии 2011 г.: британский компонент // История: [сайт]. 2021. Т. 12. № 1. URL: www.history.jes.su (дата обращения: 03.01.2024).
13. Фукуяма Ф. Великий разрыв / пер. с англ. А. В. Александровой. М.: АСТ, 2003. 474 с.
14. Чернега В. Н. Франция и вооруженные конфликты в Африке // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 4. С. 103–115.
15. Шупицкая О. Н. Конституционные ценности: понятие, система, проблема воплощения // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4: Правоведение. 2019. Т. 9. № 3. С. 13–19.
16. Degang S., Zoubir Y. Sentry Box in the Backyard: Analysis of French Military Bases in Africa // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2011. Vol. 5. № 3. P. 82–104.
17. Delanoe I. France's approach to the Syria conflict and the Russia factor // Пути к миру и безопасности. 2019. № 1. P. 47–54.
18. Jones N., Chindea I., Weizs D., et al. A Social Network Analysis of Mexico's Dark Network Alliance Structure // Journal of Strategic Security. 2022. Vol. 5. № 4. P. 76–105.
19. Kenney M. The Architecture of Drug Trafficking: Network Forms of Organisation in the Colombian Cocaine Trade // Global Crime. 2007. Vol. 8. № 3. P. 233–259.
20. Kuperman A. A Model Humanitarian Intervention? Reassessing NATO's Libya Campaign // International Security. 2013. Vol. 38. № 1. P. 105–136.

ARTICLE INFORMATION

Apty A. Alaudinov

- e-mail: a05101973@mail.ru
Cand. Sci. (Political Science),
Independent researcher,
Moscow, Russian Federation

FOR CITATION

Alaudinov A. A. On the question of typology of subjects of hybrid wars. *In: Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To develop a classification of subjects taking part in modern hybrid wars.

Methodology. The main content of the study is the analysis of foreign and domestic literature on modern conflicts, hybrid wars. The author used general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison), observation methods, traditional document analysis and case studies.

Results. The conclusion is made that the subjects of hybrid wars are particularly dangerous in the form of alliances of state and non-state actors.

Research implications. The results of this research can be used in scientific and teaching activities during the study of the hybrid war concept, as well as in the work of state bodies responsible for ensuring national security.

Keywords

hybrid wars, states, hierarchical subjects, non-state actors, network actors, subjects of hybrid wars

REFERENCES

1. Batyuck V. I. [US policy in the post-Soviet space after the end of the Cold War]. *In: Mezhdunarodnaya zhizn' [The International Affairs]*, 2011, no. 8, pp. 61–75.

2. Belyaev G. Yu. [Neo-Nazism as a model of socialization and education: a threat to state security and a global challenge to humanistic educational systems]. In: *Prostranstvo i vremya* [Space and time], 2015, no. 1-2, pp. 43–52.
3. Zaitsev A. Ya., Manoilo A. V. [The role of private military companies in the use of cloud adversary technologies]. In: *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2021, vol. 91, no. 2, pp. 167–173.
4. Manoilo A. V. [Information warfare and new political reality (I)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow Region State University (e-journal)]. 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 12.12.2023).
5. Manoilo A. V., Strigunov K. S. *Tekhnologii neklassicheskoi voyny. Genesis. Evolyutsiya. Praktika* [Technologies of non-classical war. Genesis. Evolution. Practice]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2020. 378 p.
6. Ovchinskii V. S. *Kriminologiya tsifrovogo mira* [Criminology of the digital world]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2018. 352 p.
7. Ratushnyak O. V., Kodrle I. A. *Siriiskii krizis i pozitsiya Velikobritanii* [The Syrian crisis and the British position]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2019, no. 5, pp. 94–99.
8. Romachev R. V. [Proxy intelligence and classification of intelligence actors using the example of the USA]. In: *Voprosy politologii* [Political Science Issues], 2022, vol. 12, no. 12, pp. 4392–4406.
9. Sebekin S. A. [Choosing between persistent engagement and deterrence in the American cybersecurity strategy]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 96–125.
10. Strigunov K. S., Manoilo A. V. [“Checkmate Maduro” strategy as the basis for Operation Gideon]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [The International Affairs], 2021, no. 3, pp. 56–71.
11. Strigunov K. S., Manoilo A. V., Petrenko A. I. *Narkokarteli i kriminal'nye seti. Rassvet temnoi globalizatsii* [Drug cartels and criminal networks. The dawn of dark globalization]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2022. 304 p.
12. Terentyev V. O. [The British Component of the 2011 Military Intervention in Libya]. In: *Istoriya* [Istoriya], 2021, vol. 12, no. 1. Available at: www.history.jes.su (accessed: 03.01.2024).
13. Fukuyama F. The Great Disruption (Rus. ed.: Aleksandrova A. V., transl. *Velikii razryv*). Moscow, AST Publ., 2003. 474 p.).
14. Tchernega V. N. [France and armed conflicts in Africa]. In: *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2018, no. 4, pp. 103–115.

15. Shupitskaya O. N. [Constitutional values: concept, system, problems of incarnations]. In: *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 4: Pravovedenie* [Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4: Jurisprudence], 2019, vol. 9, no. 3, pp. 13–19.
16. Degang S., Zoubir Y. Sentry Box in the Backyard: Analysis of French Military Bases in Africa. In: *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*, 2011, vol. 5, no. 3, pp. 82–104.
17. Delanoe I. France's approach to the Syria conflict and the Russia factor. In: *Puti k miru i bezopasnosti* [Pathways to Peace and Security], 2019, no. 1, pp. 47–54.
18. Jones N., Chindea I., Weizs D., et al. A Social Network Analysis of Mexico's Dark Network Alliance Structure. In: *Journal of Strategic Security*, 2022, vol. 5, no. 4, pp. 76–105.
19. Kenney M. The Architecture of Drug Trafficking: Network Forms of Organisation in the Colombian Cocaine Trade. In: *Global Crime*, 2007, vol. 8, no. 3, pp. 233–259.
20. Kuperman A. A Model Humanitarian Intervention? Reassessing NATO's Libya Campaign. In: *International Security*, 2013, vol. 38, no. 1, pp. 105–136.